

Начала два цитаты:

“С детства мы учились на отвратных примерах, на террористах, террористических романах, выискивали негативное в нормальных произведениях, мы учились без Бога, и нам было хорошо. И в душе у нас всегда жило сомнение, что люди могут быть бескорыстными, беззаветно смелыми и преданными. Мы не можем нормально жить. Мы привыкли разрушать. А земное – жена, дети и добрые дела – нас почему-то не греет и кажется бессмысленным.”

“Почти все старинные прекрасные дома перестроены и перекрашены. На лице города маска. Люди переоделись, но забыли сменить выражение лица, и оно осталось, так сказать, невежливым. Зачем, зачем все они тут стоят, идут, сидят? Зачем они все здесь находятся в принципе, если все изобретения изобретены, все потребности удовлетворены, все деньги распределены. Зачем им земля, которую они загадили? Может быть, это предвестие Страшного Суда?”

Поверьте, это без всякого специального выискивания, просто из двух последних книг, что я прочитал как член жюри одной хорошей литературной премии. А мог взять другие книги, что прочёл прежде (и, боюсь не одной “моей” премии), – цитаты были бы похожи, потому что были написаны в разных концах земли, людьми разного возраста, но с видом из одного “окна”, выходящего на конец света. Наши окна давно не выходят в поля, на вечерние облака и рассветы. Литература дружно переехала в город. Что ей делать в опустевшей деревне, на дачающей земле, которая, кажется, перестала быть наследием, достойным охраны или хоть разговора о ней.

Ну, и я не буду напоминать, что само слово “культура” – от земли, почвы (по Далю – “возделывание пашни”), а только, ухватившись за цитаты добрых современников, вздохну, что главное-то и более всего позабытое, и нуждающееся сегодня в сохранении наследие – душа человеческая. А без неё ухватиться не за что – всяк под себя свою часть правды подгибает, выдавая её за целое.

Вон вокруг Военторга и “Детского мира” в Москве сколько копий переломано, а Военторг-то все-таки погубили. Там этажик прибавят, там окна расширят – время требует своего! – и пожалуйста, памятник вроде и есть, а его нет. И ни с каким судом не подступишься – все бумаги в идеальном законном соответствии, а истории не узнать. Что деньгам до истории? Молодое время хочет по своей воле пожить, а прошедшее путается под ногами и напоминает не об ордерах и стилях, а о таких неудобных предметах, как традиция, душа, совесть. Архитектура-то, она ведь не только “застывшая музыка”, а и “застывшая идеология”. Поправишь Военторг новым фасадом, а вот уж от им-

перии-то и ни следа — один безликий демократизм. Оставив в каком-нибудь александровском особняке каждую колонку на месте, а поставил рядом начальнический “мерседес” — и только амфир-то и видали. Так что же — значит, лошадь да кучера заводи?

Да нет, ребята, у нас разговор-то оттого и не получается, что хранители и “посягатели” будто к разным народам принадлежат, хотя к предмету спора могут и на одинаковых машинах подъехать (впрочем, скорее и тут “классовая принадлежность” скажется). В том-то и беда, что одни в истории живут, а другие — в одном жадном “сегодня”, которое будущее время ещё в уме держит, а прошедшее ему — кандалы. Проблема старая, заведшаяся чуть ли не с той поры, как история стала осознаваться историей; у нас — хоть со старообрядческих бород и немецких кафтанов. Да и в Европе она завелась не вчера. Прогресс давно требует своего. У португальца Эсы де Кейроша в конце XIX века с улыбкой прочтёте: “Если человеку XIX века предложат на выбор для следования из Яффы в Иерусалим к царю Соломону, с одной стороны, караван царицы Савской, полный поэзии, с грузом благовоний и драгоценных камней в сопровождении глашатаев в венках из анемонов, а с другой — свистящий поезд, в котором можно проделать тот же путь со скоростью двадцать километров в час, то человек XIX века, будь он самым утонченным интеллектуалом и самым эрудированным эстетом, со всех ног побежит в вагон, где можно разуться и спать вразяжку”.

Прогресс торопится весь мир перевести в офис с тонированными стеклами и переодеть историю в белые воротнички своих сторонников. Наследие уже нуждается не в любви, а в прямой защите, чтобы мир не потерял памяти, потому что память — не тормоз самодовольного развития, а условие цветущей наследованной жизни. Древо познания Добра и Зла не зря соседствует в Господнем саду с Древом Жизни. Порознь они не растут.

Все мы о наследии-то будто не с того конца разговор начинаем. Зря, что ли, толстовский Пьер Безухов кричал в ночь: “И всё это во мне! И всё это я!” — а уж потом и Бунин повторял этот урок в чудных стихах: “День вечерет, небо опустело. Гул молотилки слышен на гумне. Я вижу, слышу, счастлив — всё во мне”.

История не наука, а кровообращение, условие цельности души — Отец, Сын, Дух Святой — Троица. Именно так, по-земному и по-небесному, — от отца к сыну через духовное единство. “Есть рублёвская Троица — значит, есть Бог”, — как говорил отец Павел Флоренский. Да и Николай Константинович Рёрих, которого мы чтим, чтим, которым гордились, гордились, да вдруг (вполне по-нашему) и отказали в духе и правде, тоже ведь в Пакте Мира — в великом своём движении, спасшем сотни великих памятников, — не зря в сердце Знамени этого Пакта ту же Троицу помещал. И мы, было, услышали его идею и даже около десяти лет держали Знамя мира в Государственной Думе, напоминая себе о единстве религии, знания, искусства в кольце Культуры. Но только Николай Константинович уже в 1934 году, когда Знамя было ещё только-только создано, уже знал, что общество ищет освобождения от обязанностей перед Культурой, и с горечью писал, что всё слышнее в мире: “К чёрту культуру — деньги на стол!” — и: — “Нельзя заниматься отвлеченностями”. Вот и наша Дума услышала, что “хватит отвлеченностей”, и сняла Знамя. И вроде всё в её решениях и дельно, и с цифрами, а выходят отчего-то Военторг и “Детский мир”, гибнет Архангельское, застраиваются Бородино и Куликово поле: “К чёрту культуру — деньги на стол!” А памятник начинается не с расчёта, а именно с памяти, с Божьего единства, с единства Духа, Души и Тела, чем живёт матушка-Церковь, и оттого в памятники-то и попадает, что целое в нас бережёт, к человеческому стволу прививает.

И когда мы с пути сбиваемся, памятник сам иногда выходит вперёд и устыжает нас. Сколько лет я гляжу на Михайловское — не полстолетия ли? И уж каких только профессиональных реставраторских споров свидетелем не был! Что вот, де, у Пушкина и того не было, и этого, и крестьян было всего ничего. А сегодня работников в Заповеднике полтыщи, и ни тебе “калиток ветхих с обрушенным забором”, ни “отставших обоев”, о которых Александр Сергеевич доверчиво извещал читателей. А чудо и красота, свет и счастье, и каждая травинка — Пушкин, и каждый куст — поэзия! И ходишь, радуешься и думаешь: ах, пожил бы сегодня так хоть денёк Александр Сергеевич! Никаким “порочным дворцом цирцей” было бы не выманить. И понимаю, что мы не пе-

реусердствовали в красоте, а только любяще отблагодарили! И ещё благодарим — только не уезжай! Не оставляй нас! России не оставляй — вот тебе весна, черемуха, разлив Сороти, яблони, соловьи, вот лето, осень... Всё приберём, хоть всем народом будем у тебя работать — только живи! И не так же ли в Тарханах, Ясной, Карабихе... И это, при внешних отступлениях от дословности, — памятник и память, потому что любовь.

Всё оправдано — было бы живо и памятно. И “мерседес” у александровского крыльца гляделся бы породистой лошадкой, когда бы хозяин, как Кристофер Муравьев-Апостол, приезжал и воскрешал усадьбу дедов (да хотя бы и не своих, не прямого деда, как Кристофер, а просто дедов — ибо по прошлому мы все родня), и слышал этих дедов в сердце, то и живи на здоровье — памятник примет в себя и сам оживёт.

Только беда, что мы народом перестаем быть, — всяк сам по себе. А как сказано в другой книге на соискание той же литературной премии: “Клетка, которая думает только о себе, — раковая клетка”. У памятников есть та особенность, что они — дети общей культуры. Они (и самые вроде заносчивые, и норовящие стать на особицу) при разности эпох и стилей — дети истории и истории целой, которую по произволу меняющихся властей и идей не перешивают.

Не оттого ли мы и живём сегодня так “однодневно” и неуверенно, и платим такую цену, что решили без ближней истории обойтись, без советского периода (будто его и не было), а памятники нашей хитрости не научились. Они хоть и мучились, а жили со страной единой жизнью. А коли начнут по нашему своеволию и беспамятству вычёркивать вчерашний день и притворяться ТЕМИ (будто вчера родились), так и выйдет ложь, картинка, “лит-тература”, как звал пустое нарядное слово Толстой.

Приведёт судьба в Иркутск — поглядите на “130-й квартал”. Он будет твердить о реставрации и воскрешении лучшей деревянной застройки, а мы увидим кукольную игру, гламурный театр. И уж не удивимся, что квартал окажется заселён пивными, ресторанами, сувенирными лавками и иными декоративностями для заезжего человека: “Деньги на стол!” И мудрено ли, если строили (были подрядчиками) люди расчётливой мысли и рекламного миропонимания, поставившего на место традиции и души решительное “здесь и сейчас!”, и дома, по внешности назначенные жить, как живали деды, внутренне — дети дня и рынка. Крестовоздвиженский храм с грустью поглядывает на ряженого в сибирского старика молодого соседа, догадываясь, что не скоро дождётся его в свои прихожане. Пока здесь кланяются Гермесу. И так же в ряженных кварталах Нижнего Новгорода, на “Золотой набережной” Пскова, на Ярославовом дворище Новгорода...

Опять вспоминаю рёриховское Знамя — дух, душа, тело в кольце культуры; прошлое, настоящее и будущее в круге вечности. Да и с утра встанешь, перекрестишься в красный угол: “Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа”. И живи, слушай это великое единство в себе, и не надо никаких обществ охраны памятников, потому что от кого же их охранять? От своей памяти и любви, от своего сердца? Живи в истории дома, а не в гостях, и любое здание и храм само выйдет навстречу и примет любую новость, потому что она рождена единством духа и уверенностью, что “всё в тебе и ты во всём”. Может ли сын сознательно разрушать дело отца и деда?

“Ведь как просто”, как торопил Толстой объединение добрых людей, раз злые едины. Но уже знал, что простое недосыгаемо именно из-за простоты, потому что мир, к сожалению, предпочитает другое знамя — знамя расчёта и “успешности”, триединство тела, тела и тела, “спать враспяжку в поезде, летящем со скоростью двадцать километров в час”.

Ну, что ж, значит, душа опять проиграла: “Ну, вяжи её, ребята, снова наша не взяла”. Значит, Обществу охраны памятников опять выходить на работу.

.....

С радостью поздравляем Валентина Яковлевича Курбатова, нашего давнего автора, тонкого мыслителя, замечательного литературного критика, друга В. Распутина и В. Астафьева, с 80-летием!